

Научная статья

УДК/UDC 342.72/.73

DOI: 10.21779/2224-0241-2023-48-4-35-43

Конституционно-правовая модель права на неприкосновенность частной жизни**Н.Ш. Гаджиалиева¹, З.И. Магомедова²**^{1,2} Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Российская Федерация^{1,2} naidka79@mail.ru, ¹<https://orcid.org/0000-0002-9803-4123>

Аннотация. В статье рассматриваются понятие и содержание конституционного права на неприкосновенность частной жизни. Проанализированы научные точки зрения, которые раскрывают сущностно-содержательную характеристику данного права, на основании чего удалось выявить, что право на неприкосновенность частной жизни является фундаментальным, естественным и неотчуждаемым, содержит в себе признаки личных прав человека, относится к правам первого поколения. Авторами проведен исторический анализ конституционных положений о праве на неприкосновенность частной жизни в хронологии российского государственно-правового развития, показавший, что на стыке прошлого и нынешнего столетий произошли существенные изменения в конституционно-правовом регулировании неприкосновенности частной жизни. Особое внимание уделено правовым позициям Конституционного суда РФ, благодаря которым автором определены объективные субъективные пределы права на неприкосновенность частной жизни. Проведенный содержательный анализ понятий «личная жизнь», «частная жизнь», «право на неприкосновенность частной жизни» и «неприкосновенность частной жизни». Результаты исследования выражаются в обосновании тезиса о том, что право на неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность частной жизни и частная жизнь — не тождественные понятия. На основании проведенного исследования сформулированы концептуальные выводы относительно конституционно-правовой модели права на неприкосновенность частной жизни.

Ключевые слова: частная жизнь, личная жизнь, право на неприкосновенность частной жизни, личные права, правовой статус

Для цитирования: Гаджиалиева Н.Ш., Магомедова З.И. Конституционно-правовая модель права на неприкосновенность частной жизни // Юридический вестник ДГУ. 2023. Т. 48, № 4 (68). С. 35–43. DOI: 10.21779/2224-0241-2023-48-4-35-43

Original article

Constitutional and Legal Model of the Right to Privacy**Naida Sh. Gadzhialieva¹, Zalina I. Magomedova²**^{1,2} Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation^{1,2} naidka79@mail.ru, ¹<https://orcid.org/0000-0002-9803-4123>

Abstract. The article examines the concept and content of the constitutional right to privacy. The scientific points of view that reveal the essential and substantive characteristics of this right are analyzed, on the basis of which it was possible to identify that the right to privacy is fundamental, natural and inalienable, contains signs of personal human rights, and belongs to the rights of the first generation. The authors carries out a historical analysis of the constitutional provisions on the right to privacy in the chronology of the Russian state and legal development, which showed that at the turn of the last and the present centuries there were significant changes in the constitutional and legal regulation of privacy. Particular attention is paid to the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, thanks to which the author has determined the objective subjective limits of the right to privacy. A meaningful analysis of the concepts of "private life", "private life", "right to privacy" and "inviolability of private life" was carried out. The results of the study are expressed in the substantiation of the thesis that the right to privacy, inviolability of private life and private life are not identical concepts. On the basis of the research, conceptual conclusions regarding the constitutional and legal model of the right to privacy are formulated.

Keywords: private life, private life, right to privacy, personal rights, legal status

For citation: Gadzhialieva N.Sh., Magomedova Z.I. Constitutional and Legal Model of the Right to Privacy. *Yuridicheskii vestnik DGU = Law Herald of DSU*, 2023, vol. 48, no. 4 (68), pp. 35–43. DOI: 10.21779/2224-0241-2023-48-4-35-43 (In Russ.).

В современную эпоху происходят заметная трансформация и развитие системы личных прав и свобод человека, к числу которых относится и право на неприкосновенность частной жизни. Транс-

формация, как правило, проявляется в том, что сформированная система личных прав, основанная на объективировании таких ценностей, как жизнь, личная и семейная тайна, неприкосновенность,

частная жизнь и др., дополняется новыми аспектами, расширяющими или, наоборот, сужающими их содержание, углубляющими их защиту, а также реанимирующими значимость давно провозглашенных благ, но так и не получивших полноценную нормативную регламентацию.

В Конституции РФ нашли свое отражение идеи естественно-правовой концепции прав человека, а также основные положения фундаментальных документов международного уровня в области прав человека, что с очевидностью демонстрирует ее антропоцентрический характер. В частности, об этом свидетельствует статья 2 Основного закона страны, в которой человек, его права и свободы провозглашены высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина вменяются в обязанность государству.

Право на неприкосновенность частной жизни относится к первому поколению прав и закреплено в первом пункте статьи 23 Основного закона страны, который гласит: «Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени». Данная модель конституционно-правового регулирования права частной жизни имеет управомачивающий характер и не раскрывает содержания права на неприкосновенность частной жизни. В следующем пункте указанной статьи содержится норма, наделяющая личность правом на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Такое изложение дает основания некоторым правоведам утверждать, что содержание права на неприкосновенность частной жизни составляют все вышеперечисленные права.

Легальное определение и четкие характеристики права на неприкосновенность частной жизни в Конституции РФ и действующем законодательстве на сегодняшний день отсутствуют, нет также и критериев отграничения частной жизни от публичной (или общественной), что стало причиной формирования в правовой науке множества порой диаметрально противоположных взглядов и концепций, направленных на разрешение существующего законодательного пробела.

С момента нормативного закрепления права на неприкосновенность частной жизни в России прошло 30 лет, за это время было издано множество научных трудов, предметом которых является его понятие и содержание, его исследование осуществлялось отечественными и зарубежными учеными различной отраслевой принадлежности, однако до сих пор в правовой доктрине отсутствует единый подход к пониманию сущности права на неприкосновенность частной жизни. Ситуация осложняется также тем, что само понятие «частная жизнь» зачастую по-разному трактуется в юридической литературе, анализ которой свидетельствует о существовании тенденции к его отождествлению

с такими категориями, как «личная жизнь», «семейная жизнь» и т.д.

Полагаем, что исследование юридических конструкций и понятий следует начинать с выяснения их лексического значения, а также с установления истоков их происхождения и того смысла, который закладывали в них разработчики.

Идея о необходимости обособления частной жизни от грубого вмешательства со стороны третьих лиц и ее защиты посредством норм права впервые была высказана известными американскими юристами Сэмюэлем Уорреном и Луисом Брандейсом. Критикуя в своей статье практику журналистов, публикующих подробности личной жизни горожан в газетах, С. Уоррен и Л. Брандейс формулируют концепцию «the right to be alone» (дословно «право быть оставленным в покое»), опубликованную в журнале *Harvard Law Review*. Именно данная публикация стала отправной точкой в процессе обособления права на неприкосновенность частной жизни в системе личных прав и свобод человека, а также была признана «одним из самых влиятельных эссе в истории американского права» [1].

По мнению авторов, право на неприкосновенность частной жизни является производным от права человека на жизнь, так как последнее предполагает не только защиту физического тела человека, но и его духовную составляющую. Несмотря на то, что данное право не было закреплено в Конституции США и законодательстве штатов, оно получило широкое распространение в правовой доктрине и судебной практике.

Примечательно, что С. Уоррен и Л. Брандейс отмечали невозможность определения четких границ данного права и критериев отграничения фактов, представляющих общественный интерес, от частной жизни лица, сравнивая его с категориями разумности и неразумности, нередко выступающих критериями гражданско-правовой ответственности. При этом они полагали, что при определении средств и способов правовой защиты неприкосновенности частной жизни необходимо руководствоваться общими принципами деликтного права и права интеллектуальной собственности. Среди таковых можно назвать следующие:

- «право на неприкосновенность частной жизни не запрещает любую публикацию материалов, представляющих общественный интерес;

- вопросы, публикация которых должна быть запрещена, могут быть описаны как те, которые касаются частной жизни, привычек, действий и отношений отдельного лица и не имеют законной связи с его пригодностью для государственной должности, на которую он претендует или которую ему предлагают, или для любой публичной либо квазиобщественной должности, которую он ищет или которую ему предлагают, и не имеют законного отношения к какому-либо действию, совершенному им в публичном или квазиобщественном качестве. Вышеиз-

ложенное не является полностью точным или исчерпывающим определением, поскольку то, что в конечном итоге в огромном количестве случаев должно стать вопросом индивидуального суждения, не поддается такому определению;

- право на неприкосновенность частной жизни не нарушается никакими публикациями, сделанными в суде, в законодательных органах или комитетах этих органов; в муниципальных собраниях или комитетах таких собраний, или практически любым сообщением в любом другом государственном органе, муниципальном или приходском, или в любом квазигосударственном органе, таком как крупные добровольные ассоциации, созданные практически для любых целей благотворительности, бизнеса или других общих интересов;

- применение мер ответственности за нарушение права на неприкосновенность частной жизни имеет смысл лишь в том случае, если в результате такого нарушения лицу был причинен ущерб;

- сведения о частной жизни лица, опубликованные с его согласия, перестают быть сведениями конфиденциального характера и теряют правовую защиту;

- право на неприкосновенность частной жизни лица не обусловлено достоверным или недостоверным характером разглашенных сведений;

- отсутствие «злого» умысла не является основанием для освобождения виновного в нарушении права на неприкосновенность частной жизни от применения мер юридической ответственности» [2].

Что касается лексического значения категории «неприкосновенность», в том числе применительно к «частной жизни», то в толковом словаре Д.Н. Ушакова она раскрывается как прилагательное в значении «охраняемый в целости, свободный от всякого посягательства со стороны кого-нибудь» [3].

Не менее сложным и дискуссионным понятием в рамках настоящего исследования выступает «частная жизнь».

В.П. Иванский, рассматривая некоторые аспекты понимания права на неприкосновенность частной жизни в русле феноменологического подхода, отмечает, что сфера частной жизни, или «частная жизнь», представляет собой сложное и многоаспектное явление, значение и суть которого сложно сформулировать в одном определении. По его мнению, содержание понятия «частная жизнь» детерминировано пространственными и этническими факторами, а также особенностями национального менталитета. Иными словами, представления о «частной жизни» могут существенно отличаться, например, на Западе и Востоке [4].

Такое замечание, на наш взгляд, представляется весьма уместным, поскольку действительно, в зависимости от культурных, национальных, религиозных и иных особенностей того или иного общества, понятие «частная жизнь» может иметь неодинаковый смысл. Также полагаем, что его со-

держание обусловлено политическим режимом государства и уровнем развития общества.

Размытость границ частной жизни и многообразие взглядов на трактовку данного понятия привели к формированию в правовой доктрине двух подходов, отражающих отношение к частной жизни в западноевропейских странах и странах, культивирующих идеи социализма, коллективизма и т.д.

Первый подход именуется индивидуалистическим. Свое наибольшее распространение он получил в Соединенных Штатах Америки и странах Западной Европы. Индивидуалистический подход зиждется на концепции негативной свободы, означающей обязанность всех без исключения субъектов общественных отношений воздерживаться от нарушения прав конкретного лица.

Научно-технический прогресс и развитие технологий, позволяющих увеличить степень вмешательства в частную жизнь лица как со стороны государства, так и со стороны общества, привели к возникновению «права приватности» [5], или «privacy». Приверженцы индивидуалистического подхода полагали, что в правовой охране нуждается не только сам человек, но также его мысли и чувства, поскольку последние лишь отчасти коррелируют с материальным миром. Право приватности, по мнению известных американских юристов, позволяло каждому индивиду определять степень доступности обществу и государству информации о самом себе.

В противовес индивидуалистическому сформировался коллективный подход, основанный на модели взаимодействия личности и государства, характерной для стран, переживших социализм. Большинство авторов, характеризующих данный подход, описывают его словами Е.А. Лукашевой о том, что «в российской культуре, в отличие от западной, никогда не воспринималось понятие индивидуального в западном значении индивидуализма. Полнота индивидуального достигалась в обретении его целостности с коллективным, социальным, а не в автономизации и диктатуре личности, суверенизации отдельно-индивидуального в его плоском, узкокорыстном, потребительском понимании» [6].

Исторический анализ показывает, что на различных этапах развития человечества право на неприкосновенность частной жизни прошло путь от полного отрицания до отнесения к числу основополагающих личных прав человека, охраняемых на международном и внутригосударственном уровнях.

В качестве наиболее яркого примера можно привести практику публичного покаяния, которая предполагала раскаяние в своих грехах не только перед священником, но и всеми прихожанами церкви.

Также имеются примеры периода СССР, свидетельствующие о нестабильности границ частной жизни и явно характеризующие отношение советской власти к самому понятию частной жизни.

ни. В данном случае речь идет о процедуре развода, предусматривающей необходимость публикации в газете намерения супругов расторгнуть свой брак. Помимо этого, бракоразводный процесс был очень затратным и обязывал супругов при разводе уплачивать внушительный штраф. Придание подобного рода сведениям публичного характера могло стать причиной увольнения, исключения из партии. Таким образом государство боролось с разводами и снижением уровня рождаемости в стране. Фактически вменение такой обязанности лицам, желающим расторгнуть брак, можно расценивать как грубое вторжение в частную жизнь, но с юридической точки зрения это не являлось нарушением в условиях того времени.

Некоторые изменения в данном направлении произошли с принятием Конституции СССР 1977 года, в статье 56 которой содержалась формулировка следующего содержания: «Личная жизнь граждан, тайна переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений охраняются законом» [7]. Анализ приведенного законоположения показывает, что по своему содержанию объект правовой охраны статьи 56 был намного уже, чем в статье 23 Конституции РФ 1993 г., таковым являлась только личная жизнь граждан, в то время как сама личность играла второстепенную роль.

Обращает на себя внимание и терминология, используемая в советской Конституции, разработчики которой отказались от употребления термина «частный» применительно не только к собственности, но и к такой категории, как «жизнь».

Д.В. Голендяев, рассматривая возможность отнесения права на неприкосновенность частной жизни к числу естественных прав, приходит к выводу о том, что ответ на данный вопрос не может быть однозначным, поскольку, как известно, естественные права не могут быть обусловлены какими-либо объективными или субъективными факторами. В частности, выдающийся российский ученый-правовед Н.М. Коркунов считал, что «естественное право не обусловлено ни временем, ни местом, и существовало бы даже в том случае, если бы Бога вовсе не было» [8].

Если сравнить право на неприкосновенность частной жизни с правом на жизнь, то становится очевидным, что второе всегда имело такую же значимость и ценность, независимо от конкретно-исторических условий и уровня развития цивилизации, жизнь всегда была высшей ценностью для человека, в то время как неприкосновенность частной жизни стала рассматриваться в качестве самостоятельного блага только после разрушения первобытно-общинного строя и развития общественных отношений, сопровождавшихся социальным расслоением и неравенством.

Несмотря на это, большинство исследователей солидарны в вопросе естественно-правовой природы права на неприкосновенность частной

жизни [9]. Тем не менее, как справедливо подметила Н.В. Ткачева, как и любое другое субъективное право, право на неприкосновенность частной жизни имеет свою ценность только в обществе в условиях существования государства, способного обеспечить его реализацию и охрану, так как изолированно существующему индивиду право на неприкосновенность частной жизни не нужно, хотя бы потому, что его некому нарушить [10]. В то же время оно выступает индикатором и одной из основ демократии, ведь только в демократичном и правовом государстве может обеспечиваться неприкосновенность частной жизни граждан.

Возвращаясь к вопросу о содержании понятия «частная жизнь» следует также сказать, что попытка внести ясность в понимание «частной жизни» была предпринята Конституционным Судом Российской Федерации в рамках рассмотрения «жалобы граждан Захаркина В.А. и Захаркиной И.Н. на нарушение их конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, предусматривающими, что лица, отбывающие наказание в исправительной колонии особого режима в строгих условиях, имеют право на два краткосрочных свидания в год, а первое длительное свидание им может быть предоставлено не ранее, чем по отбытии осужденным не менее 10 лет лишения свободы».

Оспариваемые законоположения, по мнению заявителей, лишали их возможности иметь детей и, тем самым, нарушали их конституционные права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну.

Отказывая в принятии к рассмотрению жалобы, высший орган конституционного контроля, сформулировал следующую правовую позицию: «Право на неприкосновенность частной жизни означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера. В понятие «частная жизнь» включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если она не носит противоправный характер» [11].

Как известно, определения Конституционного Суда РФ выносятся при отсутствии оснований для принятия жалоб к рассмотрению, но даже отказывая в принятии жалобы, КС РФ может выразить в определении ценные правовые позиции по тому или иному вопросу, имеющие значение для защиты прав и свобод личности.

В вышеуказанном определении высший орган конституционного контроля обозначил некоторые признаки частной жизни, а именно:

- область жизнедеятельности, которая относится к отдельному лицу;

- область жизнедеятельности человека, которая касается только его;
- область непротивоправной жизнедеятельности человека, которая не подлежит контролю со стороны общества и государства.

Принимая решение об отказе в принятии жалобы к рассмотрению, КС РФ апеллировал к практике Европейского суда по правам человека, который указывал, что «основная цель статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. состоит в защите отдельного лица от невольного вмешательства государственных властей». Определяя меру наказания в виде лишения свободы за совершенное преступление, государство не оказывает самовольного вмешательства в частную жизнь гражданина, а лишь выполняет свою функцию по защите общественных интересов [12].

Таким образом, реализуя свои конституционные полномочия по толкованию Основного закона страны, КС РФ пришел к выводу, что лицо, имеющее умысел на совершение тяжких преступлений, должно предполагать, что в результате к нему могут быть применены меры юридической ответственности, сопряженные с ограничениями личного характера, в том числе в праве на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, и, следовательно, в возможности рождения ребенка. Совершая преступления, оно само сознательно обрекает не только себя, но и членов своей семьи на такие ограничения.

Анализируя вышеуказанную позицию Конституционного Суда РФ, В.Б. Сыромолотов резюмирует, что КС РФ, дав толкование понятию «частная жизнь», отграничил его от «семейной жизни», сделав их независимыми друг от друга и непересекающимися. По его мнению, именно данный прием позволил суду отказать в принятии жалобы не только осужденному Захаркину, применительно к которому суждения о справедливости последствий уголовной ответственности не вызывают сомнений, но также отказать в принятии жалобы его жены, которая хоть и не совершала уголовно-наказуемых деяний, но также была ограничена в своих правах.

В.Б. Сыромолотов подвергает позицию КС РФ критике, поскольку считает, что она не способствовала выработке единой позиции по вопросу о понятии и границах частной жизни, а также не способствовала единообразию в правоприменительной деятельности. Комплексное исследование положений нормативных правовых актов различной отраслевой принадлежности показал, что законодатель вопреки той позиции, что изложена в Определении КС РФ от 09.06.2005 г. № 248-О, предусматривает семейную и личную жизнь в качестве непосредственных составляющих частной жизни. Подтверждением этого тезиса служит часть 1 статьи 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации, предметом правового регулирования которой выступает охрана частной жизни гражда-

нина. В ней сказано, что «...не допускаются без согласия гражданина сбор, хранение, распространение и использование любой информации о его частной жизни», далее посредством использования вводного слова «в частности» законодатель уточняет сбор, хранение, распространение и использование какой именно информации не допускаются без согласия гражданина, к ней относятся:

- сведения о происхождении гражданина;
- о месте пребывания или жительства гражданина;
- о личной и семейной жизни гражданина.

Из содержания приведенной нормы следует, что по логике законодателя понятие «частная жизнь» более емкое и широкое по своему содержанию, ввиду того, что включает в себя и личную, и семейную жизнь.

Поскольку согласно общепринятому мнению правовые позиции КС РФ претендуют на статус прецедентного права и имеют своей целью восполнение законодательных пробелов, такое ограничительное толкование частной жизни негативно сказывается на правотворческой и правоприменительной деятельности государства. В связи с этим указанный автор полагает, что решением данной проблемы могла бы служить корректировка толкования понятия «частная жизнь» путем включения в ее содержание «семейной жизни» [13]. Кроме того, устранить существующие разночтения и разногласия по поводу соотношения понятий «частная жизнь», «семейная жизнь» и «личная жизнь» можно посредством внесения корректировки в статью 23 Конституции России, а именно изложением ее в следующей редакции: «Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни: личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени». Иными словами, предлагается заменить запятую на двоеточие, что приведет к изменению смысла данной нормы.

На наш взгляд, законодатель не случайно использовал знаки препинания таким образом, что право на неприкосновенность частной жизни не ограничивается лишь личной и семейной тайной, защитой чести и доброго имени, в связи с чем внесение подобных корректировок представляется целесообразным и приведет к сужению границ частной жизни.

Отсутствие единообразия в вопросе соотношения «частной» и «личной» жизни имеет место и в теоретической плоскости.

Некоторые исследователи считают обоснованным их отождествление [14, 15]. Другие же, напротив, склонны рассматривать частную жизнь в качестве составляющей личной жизни [16] и наоборот [17].

Мы разделяем точку зрения М.А. Челмакиной, которая решительно настаивает на недопустимости отождествления рассматриваемых понятий, аргументируя это тем, что терминологические изменения, которые произошли в Конституции 1993

года, обусловлены не только сменой идеологии. Понятие «личная жизнь» детерминировано представлением о понятии личности в целом. Большинство авторов склонны рассматривать личность в качестве индивида, обладающего набором социально-значимых качеств в совокупности с его биологически обусловленными чертами. Акцент делается именно на социальную обусловленность человеческого поведения. С этой точки зрения не каждый человек может быть признан личностью и, соответственно, не может иметь личной жизни [18].

Обобщая вышеизложенное, можно заключить, что понятие «частная жизнь» шире по своему содержанию.

Рассмотрим некоторые доктринальные определения понятия «частная жизнь».

И.А. Манкевич рассматривает «частную жизнь» в качестве «сферы физической и духовной жизнедеятельности личности, находящуюся вне государственности и общественного интереса» [19]. Представленное определение не лишено недостатков. А именно, оно содержит весьма неоднозначную и дискуссионную категорию «интерес», о содержании которой также спорят ученые. Как понять, что тот или иной аспект жизни индивида относится к его частной жизни и не входит в сферу публичных или общественных интересов, если непонятно, что собой представляет интерес?

В то же время автор правильно обращает внимание на двойственную природу частной жизни, которая не ограничивается сферой духовной жизнедеятельности человека, но охватывает также и физическую, что очень важно в контексте развития биомедицины и генной инженерии.

По мнению И.В. Смольковой, частная жизнь представляет собой «жизнедеятельность человека в особой сфере семейных, личных, интимных отношений, не подлежащих контролю со стороны государства, а также иных участников общественных отношений». Более того, к составляющим частной жизни автор относит: свободу уединения, размышления, вступления в контакты с другими лицами, воздержание от таких, свободу высказываний и правомерных поступков, тайну жилища, дневников, других личных записей, переписки, других почтовых отправлений и иных сообщений, содержания телефонных и иных переговоров, тайну усыновления, тайну исповеди, врачебную, адвокатскую и нотариальную тайны в той части, в которой они содержат сведения о соответствующем лице» [20].

Приведенное определение частной жизни основано на расширительном толковании и представляет собой простую сумму всех прав, которые предлагаются в научной литературе к включению в содержание права на неприкосновенность частной жизни.

Интерес представляют определения, сформулированные М.Л. Кириным и Д.Д. Ковтуном.

Первый полагает, помимо прочего, в содержание частной жизни необходимо включать трудовую и служебную деятельность, так как частная жизнь в определенной степени имеет место в про-

цессе осуществления индивидом своей трудовой или служебной функции [21].

Второй же автор придерживается мнения, что неприкосновенность частной жизни предполагает и неприкосновенность жилища, поскольку последнее используется человеком для ведения личной жизни [22].

О.В. Судакова в своем исследовании, посвященном личным неимущественным правам, направленным на обеспечение неприкосновенности и тайны личной жизни граждан, приходит к выводу, что право на неприкосновенность частной жизни наряду с правом на жизнь, свободу следует отнести к числу естественных прав человека, принадлежащих ему от рождения. При этом аргументируется тезис о синонимичности понятий «частная жизнь» и «личная жизнь». Раскрывая содержание понятия «частная жизнь». Автор пишет следующее: «Частная жизнь — это семейная и личная сфера человека, область его общения, им контролируемая, свободная от внешнего вмешательства и воздействия, которым человек не придает гласность, если это не требуется законом» [23].

Позволим себе не согласиться с авторским наименованием права на неприкосновенность (и тайну) частной жизни. Во-первых, подобная формулировка отсутствует в Конституции РФ и действующем законодательстве. Кроме того, на наш взгляд, есть разница между неприкосновенностью и тайной. В частности, тайна представляет собой сведения конфиденциального характера, доступ к которым ограничен в силу закона или решения уполномоченного лица. Неприкосновенность же можно рассматривать в качестве состояния или правового режима, обеспечивающих невмешательство со стороны третьих лиц, общества и государства в целом.

Так, к примеру, нарушение режима конфиденциальности какой-либо тайны может иметь негативные последствия и привести к причинению ущерба, в то время как нарушение неприкосновенности не всегда сопряжено с наступлением негативных последствий для соответствующего субъекта, что в целом не отменяет факта нарушения его права как такового.

В качестве примера можно привести ситуацию с прослушиванием телефонных переговоров лица. Подобного рода действия, безусловно, являются нарушением неприкосновенности частной жизни, но могут не иметь никаких последствий для субъекта.

Более предпочтительной представляется позиция авторов, не склонных к отождествлению неприкосновенности частной жизни и различных видов тайн. Бесспорно, что данные категории представляют собой взаимообусловленные, но никак не тождественные явления [24].

Вышеизложенное в совокупности с проведенным анализом действующего законодательства позволяет резюмировать следующее.

Право на неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность частной жизни и частная жизнь — не тождественные понятия.

Частная жизнь представляет собой сложную и многоаспектную категорию, представляющую собой основанную на физической и интеллектуальной свободе и автономии воли сферу деятельности и взаимоотношений человека, доступ к которой может быть ограничен по его собственному решению. Частная жизнь объединяет в своем содержании физическую и моральную неприкосновенность, личную жизнь, семейную жизнь, социальную активность человека, возможность принятия правомерных решений и все иные сферы правомерной деятельности, которые по воле субъекта могут иметь непубличный характер, т.е. могут быть скрытыми и неизвестными для третьих лиц.

Неприкосновенность частной жизни необходимо рассматривать в качестве нематериального блага, производного от права на жизнь, которым

обладают все от рождения. Неприкосновенность предполагает недопустимость произвольного вмешательства кого бы то ни было в сферу частной жизни лица. С определенной долей условности можно утверждать, что неприкосновенность — это правовой режим, предназначенный для охраны и защиты частной жизни человека.

Право на неприкосновенность частной жизни — это личное неимущественное право, соответственно, частная жизнь является его объектом. Само право выражается в субъективной возможности лица определять границы своей частной жизни, принимать меры по обеспечению ее неприкосновенности, а также принимать меры по защите неприкосновенности частной жизни при наличии посягательств со стороны третьих лиц.

Список источников

1. *Голендяев Д.В.* Сущность и нормативное содержание права на неприкосновенность частной жизни // *Правоприменение в публичном и частном праве: материалы Международной научно-практической конференции.* Омск, 2018. С. 60.
2. *Warren S., Brandeis L.* The Right to Privacy // *Harvard Law Review.* Vol. IV December 15, 1890. № 5.
3. *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. Москва: Дом Славянской кн., 2008. 959 с. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения 19.10.2023).
4. *Иванский В.П.* Феноменология права на неприкосновенность частной жизни в эпоху постмодерна: философско-правовые аспекты // *Вестник РУДН.* 2011. № 3. С. 48-49.
5. *Гарфинкль С.* Все под контролем: частная жизнь под угрозой. URL: <http://fougtraq.ru/library/books/dbnation> (дата обращения 19.10.2023).
6. *Лукашева Е.А.* Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / под общ. ред. Е.А. Лукашевой. М., 2002.
7. Конституция СССР 1977 г.: принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.). URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения 19.10.2023).
8. *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. СПб., 1909.
9. *Романовский Г.Б.* Право на неприкосновенность частной жизни: монография. М., 2001.
10. *Ткачева Н.В.* Конституционный принцип — неприкосновенность частной жизни // *Вестник ЮУрГУ.* 2005. № 8. С. 194–197.
11. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 09.06.2005 г. № 248-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Европейский суд по правам человека. «Абдулазис, Кабалес и Балкандали против Соединенного Королевства» («Abdulaziz, Cabales et Balkandali v. United Kingdom»): Постановление Европейского суда по правам человека от 28 мая 1985 года. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. *Сыромолотов В.Б.* К вопросу о толковании понятия «частная жизнь» // *Академическая мысль.* 2022. № 2 (19). С. 68-73.
14. *Беляева Н.Г.* Право на неприкосновенность частной жизни: соотношение международно-правовой и внутригосударственной регламентации: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2000.
15. *Красавчикова Л.О.* Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. Екатеринбург, 1994.
16. *Баглай М.В.* Конституционное право Российской Федерации: учебник. М., 2006.
17. *Кротов А.В.* Концепция «широкого» толкования права на частную жизнь в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // *Актуальные проблемы российского права.* 2018. № 5. С. 81–88.
18. *Челмакина М.А.* Понятие частной жизни в конституционном праве // *Наука. Общество. Государство.* 2021. № 1 (33). С. 139–147.
19. *Манкевич И.А.* Частная жизнь Гения как предмет культурологических штудий // *Вопросы культурологии.* 2009. № 4. С. 83–87.
20. *Смолькова И.В.* Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 1998.

21. Курин М.Л. Наблюдение в служебных помещениях как один из видов оперативно-розыскных мероприятий // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 4. С. 82–87.

22. Ковтун Д.Д. Неприкосновенность жилища в российском уголовном процессе и практика Европейского суда по правам человека // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 60. С. 142–145.

23. Судакова О.В. Личные неимущественные права, направленные на обеспечение неприкосновенности и тайны личной жизни граждан // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. № 1 (30). С. 381–384.

24. Зайцева Ю.П. Субъективное право гражданина на частную жизнь: содержательный аспект // Российский юридический журнал. 2016. № 1. С. 142–149.

References

1. Golendjaev D.V. Sushhnost' i normativnoe soderzhanie prava na neprikosnovennost' chastnoj zhizni [The Essence and Normative Content of the Right to Privacy], *Pravoprimerenie v publichnom i chastnom prave* [Law Enforcement in Public and Private Law]: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Omsk, 2018, p. 60. (In Russ.).

2. Warren S., Brandeis L. The Right to Privacy. *Harvard Law Review*, vol. IV, December 15, 1890, no. 5.

3. Ushakov D.N. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka [The Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]: a modern edition. Moscow, Dom Slavjanskoj kn. Publ., 2008, 959 p. (In Russ.). Available at: <https://ushakovdictionary.ru/> (accessed 19.10.2023).

4. Ivanskij V.P. Fenomenologija prava na neprikosnovennost' chastnoj zhizni v jepohu postmoderna: filosofsko-pravovye aspekty [Phenomenology of the Right to Privacy in the Postmodern Era: Philosophical and Legal Aspects], *Vestnik RUDN [RUDN University Bulletin]*, 2011, no. 3, pp. 48-49. (In Russ.).

5. Garfinkl' S. Vse pod kontrolem: chastnaja zhizn' pod ugrozoi [Everything is under control: privacy is at risk]. (In Russ.). Available at: <http://fougra.ru/library/books/dbnation> (accessed 19.10.2023).

6. Lukasheva E.A. Prava cheloveka: itogi veka, tendencii, perspektivy [Human Rights: Results of the Century, Trends, Prospects], ed. by E.A. Lukasheva. Moscow, 2002, p. 276.

7. Konstitucija SSSR 1977 g. (prinjata na vneocherednoj sed'moj sessii Verhovnogo Soveta SSSR devjatogo sozyva 7 oktjabrja 1977 g.). (In Russ.). Available at: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (accessed 19.10.2023).

8. Korkunov N.M. Lekcii po obshhej teorii prava. [Lectures on the General Theory of Law], St. Petersburg, 1909, p. 19. (In Russ.).

9. Romanovskij, G.B. Pravo na neprikosnovennost' chastnoj zhizni [Right to privacy]: monograph. Moscow, 2001, p. 16. (In Russ.).

10. Tkacheva N.V. Konstitucionnyj princip – neprikosnovennost' chastnoj zhizni [Constitutional Principle – Privacy], *Vestnik JuUrGU [SUSU Vestnik]*, 2005, no. 8, pp. 194–197.

11. Konstitucionnyj Sud Rossijskoj Federacii. Ob otkaze v prinjatii k rassmotreniju zhaloby grazhdan Zaharkina Valerija Alekseevicha i Zaharkinoj Iriny Nikolaevny na narushenie ih konstitucionnyh prav punktom «b» chasti tret'ej stat'i 125 i chast'ju tret'ej stat'i 127 Uголовно-исполнительного кодекса Rossijskoj Federacii: Opreделение Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 09.06.2005 No. 248-O. Access from the "Consultant-Plus" legal reference system. (In Russ.).

12. Evropejskij sud po pravam cheloveka. «Abdulaziz, Kabales i Balkandali protiv Soedinennogo Korolevstva» («Abdulaziz, Cabales et Balkandali v. United Kingdom»): Postanovlenie Evropejskogo suda po pravam cheloveka ot 28 maja 1985 goda. Access from the "ConsultantPlus" legal reference system.

13. Syromolotov V.B. K voprosu o tolkovanii ponyatiya "chastnaya zhizn'" [On the question of the interpretation of the concept of "Private Life"]. *Akademicheskaya mysl' [Academic Thought]*. 2022, no. 2 (19), pp. 71-72. (In Russ.).

14. Beljaeva N.G. Pravo na neprikosnovennost' chastnoj zhizni: sootnoshenie mezhdunarodno-pravovoj i vnutrigosudarstvennoj reglamentacii: dis. ... kand. jurid. nauk [The Right to Privacy: The Relationship between International Law and Domestic Regulation: Cand. Law Sci. Diss. Kazan', 2000. (In Russ.).

15. Krasavchikova L.O. Ponjatie i sistema lichnyh neimushchestvennyh prav grazhdan (fizicheskich lic) v grazhdanskom prave Rossijskoj Federacii [The Concept and System of Personal Non-Property Rights of Citizens (Individuals) in the Civil Law of the Russian Federation]. Ekaterinburg, 1994. (In Russ.).

16. Baglaj M.V. Konstitucionnoe pravo Rossijskoj Federacii [Constitutional Law of the Russian Federation]: uchebnik. Moscow, 2006. (In Russ.).

17. Krotov A.V. koncepcija "shirokogo" tolkovanija prava na chastnuju zhizn' v reshenijah Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii [The Concept of "Broad" Interpretation of the Right to Private Life in the Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava [Actual Problems of Russian Law]*, 2018, no. 5, p. 84. (In Russ.).

18. Chelmakina M.A. Ponjatie chastnoj zhizni v konstitucionnom prave [The Concept of Private Life in Constitutional Law], *Nauka. Obshhestvo. Gosudarstvo [Science. Society. State]*, 2021, no. 1 (33), pp. 139–147. (In Russ.).

19. Mankevich I.A. Chastnaja zhizn' Genija kak predmet kul'turologicheskikh shtudij [The Private Life of the Genius as a Subject of Cultural Studies], *Voprosy kul'turologii* [Issues of Cultural Studies], 2009, no. 4, pp. 83–87. (In Russ.).
20. Smol'kova I.V. Problemy ohranjaemoj zakonom tajny v ugovnom processe: dis. ... d-ra jurid. nauk [Problems of Secrecy Protected by Law in Criminal Proceedings: Doct. Law Sci. Diss. Irkutsk, 1998. (In Russ.).
21. Kirin M.L. Nabljudenie v sluzhebnyh pomeshhenijah kak odin iz vidov operativno-rozysknyh meroprjatij [Surveillance in office premises as one of the types of operational-search measures], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii], 2011, no. 4, pp. 82–87. (In Russ.).
22. Kovtun D.D. Neprikosновенost' zhilishha v rossijskom ugovnom processe i praktika Evropejskogo suda po pravam cheloveka [Inviolability of the Home in Russian Criminal Proceedings and the Practice of the European Court of Human Rights], *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im A.I. Gercena* [Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen], 2008, no. 60, pp. 142–145. (In Russ.).
23. Sudakova O.V. Lichnye neimushhestvennye prava, napravlennye na obespechenie neprikosновенosti i tajny lichnoj zhizni grazhdan [Personal Non-Property Rights Aimed at Ensuring the Inviolability and Privacy of Citizens' Private Life]. *Baltijskij gumanitarnyj zhurnal* [Baltic Journal of Humanities], 2020, no. 1 (30), pp. 381–384. (In Russ.).
24. Zajceva, Ju.P. Sub#ektivnoe pravo grazhdanina na chastnuju zhizn': sodержatel'nyj aspekt [The Subjective Right of a Citizen to Private Life: A Substantive Aspect]. *Rossijskij juridicheskij zhurnal* [Russian Law Journal], 2016, no. 1, pp. 142–149. (In Russ.).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Authors' contribution: All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication.
The authors declare that there is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гаджалиева Наида Шамильевна, доцент кафедры гражданского процесса юридического института Дагестанского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Махачкала, Российская Федерация. *E-mail:* naidka79@mail.ru
Магомедова Залина Исмаиловна, магистрант 3-го года обучения образовательной магистерской программы «Проблемы гражданского и арбитражного процессуального права» юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала, Российская Федерация. *E-mail:* naidka79@mail.ru

Поступила в редакцию 31.10.2023 г.; одобрена после рецензирования 10.11.2023 г.; принята к публикации 14.11.2023 г.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gadzhaliyeva Naida Shamilyevna, Associate Professor of the Department of Civil Procedure at the Law Institute of Dagestan State University, Candidate of Law, Associate Professor, Makhachkala, Russian Federation. *E-mail:* naidka79@mail.ru
Magomedova Zalina Ismailovna, a 3rd year undergraduate student of the educational master's program "Problems of Civil and Arbitration Procedural Law" of the Legal Institute of Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation. *E-mail:* naidka79@mail.ru

Received 31.10.2023; approved after reviewing 10.11.2023; accepted for publication 14.11.2023